

Аспектуальные антиномии в русском языке (на славянском фоне)

Елена В. Петрухина

1. Вступление: об антиномиях в категории глагольного вида и видовых теориях

В статье рассматриваются некоторые антиномии в устройстве категории глагольного вида в русском языке, порождающие противоречия в видовой теории. Основное внимание уделено вопросу о видовой парности глаголов в русском языке (на славянском фоне).

В российской лингвистике М. В. Пановым разработана теория внутриязыковой эволюции, в которой было показано, что в основе языкового развития находятся механизмы ряда антиномий – узуса и языковой системы, кода и текста, говорящего и слушающего, означаемого и означающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной (Панов 2007: 17-23):

В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе – того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту (Панов 2007: 17).

Для изучения категории вида наибольшее значение имеет учет антиномий между означаемым и означающим, между узусом и языковой системой, которые реализуются в системе более частных противоречий, характеризующих особенности языка как знаковой системы естественной природы. «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» (Панов 2007: 18). В данной статье рассматриваются антиномии между разными (лексическими, словообразовательными и грамматическими) способами выражения аспектуальной семантики глаголов, между правилами

употребления видов и инвентарем форм для реализации данных правил. Учет данных антиномий позволяет объяснить особенности организации видовой системы и видообразования в русском языке.

2. Двухкомпонентные и однокомпонентные видовые теории

Важной особенностью славянского вида является возможность выражения одной и той же денотативной ситуации двумя однокоренными глаголами разного вида (видовой парой), связанными словообразовательными и грамматическими отношениями и различающимися лишь темпоральной схемой представления данной ситуации. Такая трактовка соотношения лексических и видовых характеристик глагола соответствует двухкомпонентной теории вида, в которой реализуется идея «последовательного различения акциональных и видовых значений» (Татевосов 2015: 29). С точки зрения двухкомпонентного подхода предложения типа *Джон ел яблоко* и *Джон съел яблоко* «описывают, хотя и под разными углами зрения, одну и ту же ситуацию». А для однокомпонентных видовых теорий характерно представление о том, что подобные предложения «содержат в своем означаемом разные ситуации» (там же: 31). В качестве примера однокомпонентной теории С.Г. Татевосов приводит трактовку категории вида в русском языке, изложенную в работе (Зализняк, Шмелев 2000), где содержание видовых граммем определяется в акциональных терминах (т.е. без разграничения собственно грамматической и акциональной семантики): глаголы СВ всегда обозначают события, а глаголы НСВ могут обозначать состояния, процессы и события (Зализняк, Шмелев 2000: 36; Татевосов 2015: 31). В своих исследованиях мы придерживаемся двухкомпонентной видовой теории, а именно двухкомпонентной трактовки предела и предельности в славянских языках, в которой разграничиваются лексический и грамматический типы предела.

3. Противоречия в теории предельности

Известно, что термины «предел» и «предельность» в аспектологии используются неоднозначно: 1) в связи с характеристикой лексико-грамматического класса предельных глаголов (обоих видов); 2) при определении категориального значения СВ как актуализации временной границы действия – предела, по В.В. Виноградову (Виноградов 1972: 394). Разграничение грамматической (связанной с граммемой СВ) и лексической (вернее, лексико-грамматической) предельности считаем принципиальным вопросом для изучения категории вида в славянских языках. Неоднозначность термина «предел» отмечала М. Гиро-Вебер, считая поэтому, что он неудачен для описания аспектуальной системы русского языка: «термин “предел” ста-

новится [...] двузначным: имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состояния?» (Гиро-Вебер 1990: 103-105). О неоднозначности данного термина и в связи с этим запутанности теории предельности писали многие исследователи, из последних работ укажем (Горбов, Горбова 2012; Татевосов 2015: 62-64; Аркадьев 2015: 21-22). Остановимся на данном вопросе подробнее, так как считаем термины «предел» и «предельность» важными для описания русской видовой системы и трактовки видовой парности.

Ю.С. Маслов и А.В. Бондарко разработали типологию пределов, в которой лексический и грамматический типы пределов рассматриваются в одной системе терминов (Маслов 1984; Бондарко 1986, 1987). В самом общем смысле предел действия понимается как «его временная граница, ограничение его протекания во времени» (Бондарко 1987: 46). Ю.С. Маслов в связи с аспектуальной семантикой глагола разграничивает внутренний и внешний пределы. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: *Он перепиливает бревно*). [...] Непредельность – это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия хотя бы в перспективе» (Маслов 2004: 29-30). В семантике же таких глаголов, как *полежать*, *поговорить*, *пролежать* «есть указание на предел, но он является не внутренним, а только внешним» (там же: 32)¹. Таким образом, глаголы СВ, по Ю.С. Маслову, всегда предельны, а глаголы НСВ могут быть предельными и непредельными. Такую же позицию занимает и А.В. Бондарко: «несоотносительный НСВ – непредельность; видовые пары и несоотносительный СВ – предельность» (Бондарко 1987: 59), т.е. парные глаголы НСВ и СВ (типа *строить – построить*, *перепилить – перепиливать*) и непарные глаголы СВ типа *зашуметь*, *прошуметь* рассматриваются как предельные.

Действительно, важно учитывать, что концепт предела как временной границы действия выражается в русском языке разными способами: 1) в лексической семантике предельных глаголов, 2) видовой принадлежностью глагола – совершенным видом, а также 3) начинательными, финитными, ограничительными (т.е. фазисно-ограничительными) аффиксами.

Глагольный вид мы рассматриваем как морфологическую деривационную категорию, в которой словообразовательный механизм префиксации и суффиксации глаголов имеет грамматические последствия, а именно перфективацию или имперфективацию глагола (Петрухина 2012б). Соответственно

---

¹ А.В. Бондарко данные термины понимает несколько иначе, говоря о внешнем пределе в том случае, если ограничение действия выражено не в самом глаголе, а в окружающем его контексте (ср., например, *до трех часов*) (Бондарко 1987: 46).

выражение предела действия совершенным видом и фазисно-ограничительными приставками может анализироваться в одной системе терминов и понятий. А лексическая предельность, по нашему мнению, терминологически должна быть отграничена от грамматической. Чтобы провести такое разграничение, в ряде своих публикаций мы предлагали «развести» данные понятия терминологически и использовать для лексической предельности термины «терминативный» и «нетерминативный» (лат. *terminus* – ‘предел, граница’) (Петрухина 2012а: 52-56). К такому же выводу о необходимости «не смешивать акциональные и грамматические противопоставления» пришел и П.М. Аркадьев, но термины «терминативный» и «нетерминативный» он предложил употреблять по отношению к грамматической предельности, мотивируя это характером своего типологического исследования: «чтобы не накладывать а priori славянскую систему координат на другие языки» (Аркадьев 2015: 22-23).

Нам же важно сохранить термин «предел» для анализа специфики грамматической семантики русского совершенного вида. Граммема СВ в русском языке связана с актуализацией предела (временной границы действия) – это соответствует интерпретации категориальной семантики совершенного вида В.В. Виноградовым, согласно которой совершенный вид выражает «сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе», что обуславливает «ограничение или устранение представления о длительности действия» (Виноградов 1972: 394). И.Б. Шатуновский также называет «наиболее адекватным» для русского языка «определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания)» (Шатуновский 2009: 31). Как мы стремились показать в ряде своих сопоставительных публикаций, идея предела как временной границы между смежными ситуациями для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима, чем, например, для чешского вида, для которого важным является представление о нерасчлененном начале-конце действия, о целостности, см., например, (Петрухина 2009).

Итак, антиномии теории предела и предельности в русском языке связаны с разными формами выражения предела. В лексическом значении терминативных глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать - делать, упасть - падать*) выражается внутренний (качественный) предел. Грамматический предел как актуализация временной границы действия выражается в семантике лишь глаголов СВ. Соответственно глаголы СВ с фазисно-ограничительными префиксами *забегать, набегаться, погулять, простоять* и др. образованы от нетерминативных основ и сами нетерминативны – в их семантике нет указания на внутренний предел, после достижения которого действие прекращается. При помощи префиксов они эксплицитно выражают временную границу действия (начальную и/или конечную), а совершенный вид ее актуализирует, устраняя представление о длительности. Учет рассмотренных и некоторых других антиномий в видовых теориях и видовой терминологии важен для интерпретации видовой парности, которая в последнее время в русистике вызывает острые дискуссии.

4. Разное понимание видовой парности

4.1. Видовая пара как функциональное отношение субституции видов в контекстах обязательной имперфективации

Название книги Анны А. Зализняк, И.Л. Микаэлян и А.Д. Шмелева «Русская аспектология: в защиту видовой пары» (2015) подчеркивает роль видовой пары в организации русской видовой системы. В книге обосновывается концепция видовой пары как чисто функционального отношения между глаголами разных видов, лежащего в основе русской видовой системы. Данное отношение возникает в силу замены СВ на НСВ в контекстах обязательной имперфективации, впервые выделенных Ю.С. Масловым (Маслов 2004² (1948): 91-92): при переходе от повествования в прошедшем времени к повествованию в настоящем историческом, от единичного действия к его повторению, от побуждения к запрету совершать действие. Ср.:

- (1) Тут он *почувствовал* острую боль, *схватился* за сердце и *упал*. – Тут он *чувствует* острую боль, *хватается* за сердце и *падает*.
- (2) Как только он *вошел*, все *встали* – Как только он *входил*, все *вставали*.
- (3) *Расскажи* ему об этом – Не *рассказывай* ему об этом.
- (4) Надо *спросить* у Ивана – Не надо *спрашивать* у Ивана (Зализняк и др. 2015: 212, 193, 217).

Видовая пара – это «абстрактное отношение субституции в контекстах обязательной имперфективации, формирующее русский вид как грамматическую категорию» (там же: 82).

По нашему мнению, субституция видов в контекстах обязательной имперфективации – это функциональное проявление особых семантических и формальных отношений парных глаголов СВ и НСВ, способных обозначать одну и ту же денотативную ситуацию, одно и то же событие. Но при этом видовая парность не исчерпывается лишь функциональными отношениями синонимии между глаголами СВ и НСВ в контекстах обязательной имперфективации. Есть все основания термин «видовая пара» употреблять не по отношению к «абстрактному отношению субституции», а к однокоренным глагольным лексемам разного вида, способным к такой «субституции», во всей полноте их функций. Этот термин позволяет описывать вид как грамматическую категорию, взаимодействующую с другими глагольными грамматическими категориями, в частности со временем и залогом. Так, изучать семантические различия между простой и аналитической формами будущего времени, определяемые видом глагола, в восточно- и западнославянских языках в отвлечении от лексического значения глаголов СВ и НСВ можно лишь в рамках видовых пар. Подчеркнем, что семантические типы видового противопоставления изучались в русистике на материале парных глаголов СВ и НСВ вне контекстов обязательной имперфективации (Гловинская 2001: 90-127; Падучева 1996: 103-104).

Таким образом, признавая важную роль функционального критерия Ю.С. Маслова в определении видовой парности в русском языке, мы, тем не менее, не можем согласиться с утверждением, что в русском языке «видовая пара – это чисто функциональное отношение между глагольными формами» (Зализняк, Микаэлян 2012: 56). Против такой трактовки видовых пар свидетельствует и сопоставительное изучение аспектуальных систем славянских языков.

4.2. Видовая парность в разных славянских языках

Изложенная в предыдущем разделе функциональная теория видовой пары не эффективна для анализа и описания категории вида в других славянских языках, так как во многих из них (в частности чешском, словацком, словенском), в отличие от русского языка, в число типовых контекстов обязательной имперфективации не входят контексты настоящего исторического и кратного действия (о достаточно регулярной замене глаголов СВ парными глаголами НСВ можно говорить лишь по отношению к отрицательным императивным конструкциям). При этом видовая парность глаголов – это системообразующее свойство категории вида во всех славянских языках.

Считаем важным подчеркнуть, что в знаменитой статье Ю.С. Маслова 1948 г. функциональный критерий выступает лишь как метод верификации сходства лексического значения парных глаголов, а видовая парность/непарность объясняется в основном семантически. Ю.С. Маслов показал, что видовая парность реализуется прежде всего у глаголов с внутренним пределом (Маслов 2004² (1948): 95), т.е. у терминативных глаголов. Это утверждение справедливо для всех славянских языков.

Более того, мы хотели бы обратить внимание на то, что в большинстве публикаций Ю.С. Маслова (кроме статьи 1948 г.) понимание видовой пары базируется не столько на функциональном, сколько на семантическом и формальном критериях. Он видел «чисто видовую соотносительность» прежде всего в суффиксальных парах предельных (т.е. терминативных) глаголов, на которые ориентируются и приставочные типы видовых пар (Маслов 2004).

Мы пришли к выводу, что при определении видовых пар необходимо учитывать три взаимосвязанных фактора, которые не отрицают, а дополняют друг друга: 1) семантику, 2) форму, 3) функциональную субституцию парных глаголов, и нельзя ограничиться лишь функциональным критерием (Петрухина 2014). Рассмотрим эти факторы подробнее.

1) Видовая парность характерна прежде всего для терминативных глаголов, которые обозначают изменения, предполагающие конечный результат или конечную точку в своем развитии. Парные глаголы СВ и НСВ выражают одно денотативное действие, различаясь его представлением во времени, ср., например: (русск.) *собирать* – *собрать урожай*, (чешск.) *sklízet* – *sklidit*; (русск.) *защипать* – *защипать диссертацию*, (чешск.) *obhajovat*

– *obhájit disertaci*, (польск.) *bronić – obronić dysertację*. Это традиционная точка зрения, например, в Русской грамматике (1980) говорится о «тождестве всех семантических компонентов» парных глаголов, «кроме значения вида» (РГ 1980: §1387). Данная точка зрения имеет концептуальное обоснование в «двухкомпонентной видовой теории» (см. раздел. 2): терминативные глаголы СВ и НСВ выражают одну и ту же ситуацию, в интерпретации которой отражается предельный момент развития действия, но в семантике глаголов СВ он выражен эксплицитно, а в семантической структуре глаголов НСВ – это переменный имплицитный элемент, подвергающийся коммуникативной актуализации (Падучева 1986: 421; Бондарко 1986; Петрухина 2012а: 50-55). Это способствует функциональному сближению терминативных (предельных) глаголов НСВ с парными глаголами СВ в некоторых типовых контекстах нейтрализации видовой оппозиции (т.е. в контекстах обязательной имперфективации).

2) Наиболее регулярно видовые пары образуются при помощи имперфективации приставочного глагола СВ. «Другие морфологические типы видовой соотносительности (*делать – сделать, колоть – колнуть* и др.) получают аналогичный статус уже лишь на фоне регулярных типов, созданных имперфективацией» (Маслов 2004: 331). Среди префиксальных видовых пар Ю.С. Маслов называл такие, как *делать – сделать, топить – утопить, идти на собрание – пойти на собрание, чувствовать – почувствовать* (Маслов 2004² (1948): 74–86).

3) Функциональные связи субституции парных глаголов НСВ и СВ среди славянских языков имеют большее значение для русского, болгарского (а также македонского) языков, в которых есть типовые контексты обязательной имперфективации.

Не стихающие именно в русистике дискуссии о видовой парности свидетельствуют об антиномиях в системе русского вида; в значительно меньшей степени они свойственны западнославянским и южнославянским языкам. Речь идет о противоречии между высокой степенью обязательности вторичной имперфективации в определенных типах контекста и недостаточностью инвентаря вторичных имперфективов, необходимого для реализации обязательной замены глагола СВ глаголом НСВ. В других славянских языках (например, в чешском и словенском) такого противоречия нет, так как нет ряда типовых контекстов обязательной имперфективации в силу свободного употребления глаголов обоих видов в настоящем историческом и при выражении повторяющихся действий. Об обязательной имперфективации в этих языках можно было бы говорить лишь в некоторых императивных контекстах. А в болгарском языке подобного противоречия нет ввиду регулярного образования вторичных имперфективов.

Следующие примеры демонстрируют контексты, в которых в русском языке при обозначении типовых действий обязательен НСВ (при выражении единичной ситуации в прошедшем или будущем был бы употреблен глагол СВ), а в чешском и словенском языках в формулировках данных физических и геометрических законов употреблены глаголы СВ, что исключает

обязательную мену видов при переходе от единичной ситуации к типичной в этих языках:

- (5) чешск. *Zákon akce a reakce: silová akce vyvolá (СВ) silovou reakci, stejně velikosti, ale opačného směru* (<https://cs.wikipedia.org/wiki/Statika>).
- словенск. *Zakon akcije in reakcije: akcija sproži (СВ) reakcijo enake moči, vendar v nasprotni smeri* (перевод информанта).
- русск. *Закон действия и противодействия: действие вызывает (НСВ) противодействие такой же силы, но противоположного направления.*

Аналогичные закономерности соотношения видов, как известно, характеризуют и настоящее историческое: при переводе повествования из плана прошедшего в план настоящего при обозначении событий, сменяющих друг друга, в чешском и словенском языках, в отличие от русского языка, замена глагола СВ на глагол НСВ не обязательна (Петрухина 2015).

В болгарском языке, также как и в русском, есть типовые контексты обязательной имперфективации, но тем не менее нет противоречий между этими контекстами и закономерностями образования вторичных имперфективов, ввиду регулярности образования последних. В болгарском языке глаголы НСВ могут быть образованы от приставочных глаголов СВ «при любом значении приставки: [...] начинательном: *заплача (заплакать) – заплаквам*; результирующим: *попреча (помешать) – попречвам*; *направля (сделать) – направлям [...]*; охвата длительности: *поседа (посидеть) – поседявам* и при всех других типах значений» (Маслов 1981: 204). Я. Бъчваров провел сопоставительное исследование границ вторичной имперфективации в болгарском, чешском и русском языках по двуязычным словарям. Было выявлено, что 100% болгарских вторичных имперфективов на русский язык переводится аналогичными глаголами НСВ в 24%, а в остальных случаях им соответствуют либо просто бесприставочные глаголы НСВ, либо бесприставочные глаголы НСВ с лексикографическими разъяснениями (типа *направлям – делать что-либо до конца, с результатом*) (Вăчваров 1980; Петрухина 2012а: 89-90).

Соответственно в болгарском языке контексты обязательной имперфективации «обеспечиваются» вторичными имперфективами и не ведут, в отличие от русского языка, к расширению видовой парности.

4.3. Расширение видовой парности в русском языке (в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками)

Рассмотрим подробнее расширение класса видовых коррелятов в русском языке на примере начинательных производных в сопоставлении с болгарским и западнославянскими языками.

В русском языке начинательные глаголы с ингрессивным и инхоативным значением² образуются в основном от нетерминативных основ, причем они связаны только с совершенным видом (за редким исключением типа *запевать*). Это ведет к расширению функциональной видовой парности, так как в контекстах обязательной имперфективации начинательные дериваты СВ, от которых не могут быть образованы вторичные имперфективы, заменяются простыми глаголами НСВ. Например:

- (6) «Помогите!» – *закричала* она ↔ «Помогите!» – *кричит* она;
 (7) Малыш *увидел* игрушку, *запрыгал* от радости и *подбежал* к бабушке ↔ Малыш *видит* игрушку, *прыгает* от радости и *подбегает* к бабушке.
 (8) Дети *заплакали*, когда им *прочитали* конец сказки о Красной Шапочке ↔ Дети всегда *плакали*, когда им *читали* конец сказки о Красной Шапочке.

Употребление глаголов типа *кричать* – *закричать*, *прыгать* – *запрыгать* в рассмотренных выше типах контекста (в соответствующих временных формах) как синонимов можно объяснить с опорой на категориальную семантику СВ в русском языке. Как было уже отмечено в разделе 3, для граммы совершенного вида и всей аспектуальной системы в русском языке значима идея предела как временной границы действия, с возможной актуализацией конца предшествующей ситуации или начала следующей. На основе данного категориального признака и правил употребления видов в контекстах обязательной имперфективации происходит функциональное сближение пар нетерминативных глаголов типа *кричать* – *закричать*, *плакать* – *заплакать*, *видеть* – *увидеть* с терминативными глаголами типа *подбежать* – *подбегать*, *прочитать* – *читать* (в приведенных примерах они подчеркнуты).

В болгарском языке образование начинательных дериватов представлено даже шире, чем в русском языке, и возможно как от нетерминативных, так и от терминативных основ. Ср.: (болг.) *зачакам* – (русс.) *начать ждать*; (болг.) *заудрям* – (русс.) *начать бить*; (болг.) *той заяде* – (русс.) *он стал есть*. При этом в большинстве случаев начинательные глаголы СВ имеют имперфективные корреляты, поэтому простые производящие глаголы НСВ не вступают в коррелятивные отношения с начинательными производными глаголами СВ в контекстах обязательной имперфективации. Например, (болг.) *служба / заслужа / заслужвам* – (русс.) *служить / начать служить / начинать служить*; (болг.) *слушам / заслушам / заслушвам* – (русс.) *слушать / начать слушать / начинать слушать*; (болг.) *гледам / загледам / заглеждам* – (русс.) *смотреть / начать смотреть / начинать смотреть* (РБЕ).

² Инхоативное значение трактуется как «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» (РГ 1980: 597). Ингрессивная начинательность определяется как «начало и продолжение действия в едином целом» (РГ 1980: 596-597).

Ср. также:

- (9) болг. Тая песен те слушаха за първи път... Христо и той остави работата, и *заслуша* (СВ) (РБЕ)
 русск. Эту песню они слушали первый раз... Христо и тот оставил работу и *начал слушать*.
- (10) болг. Всяка вечер той сядаше в двора и *заслушиваше* (НСВ) (информант)
 русск. Каждый вечер он садился во дворе и *начинал слушать*.

В западнославянских языках инхоативные производные глаголы с приставкой *za-* не представлены – при необходимости начало длительного действия выражается аналитически, фазовыми глаголами. Например:

- (11) русск. Все разом *заговорили*.
 чешск. Všichni *začali* najednou *mluvit*.
 словацк. Všetci *začali* naraz *hovorit*.
 польск. Wszyscy *zaczęli* naraz *mówić*.

Если дериваты с приставкой *za-* все же имеются, то в словарных толкованиях (прежде всего в чешском и словацком языках) возможность их начинательного понимания часто не отражается, например, (словацк.) *zagestikulovat'* 'urobit' rukami *posunky, gestá* (сделать руками движения, жесты); *zahemžit' sa* 'hemžit' sa, *pohýbat' sa krátko, chvíľ'u* (суетиться, двигаться недолго, минуту) (SSJ).

Для большинства чешских, словацких и польских дериватов с приставкой *za-*, образованных от глаголов звучания, зрительного, осязательного восприятия, многоактных глаголов, характерна ограничительно-квантовая семантика, но начинательная семантика может быть поддержана контекстом. Поэтому в переводных русских эквивалентах обычно зафиксированы все возможности, например: (словацк.) *zaškřípat'*, (чешск.) *zaskřípat'* – (русск.) *заскрипеть, проскрипеть, скрипнуть* (VSRS; ЧПС); (польск.) *zagrzmieć* – (русск.) *загреметь / прогреметь*; (польск.) *zaszeleścić* – (русск.) *зашелестеть / прошелестеть*; (польск.) *zaszumieć* – (русск.) *зашуметь / прошуметь* (БПРС).

Некоторые глаголы с приставкой *za-* под влиянием контекста в западнославянских языках могут актуализировать начальную фазу действия. Так, в следующих предложениях значение польского деривата полностью определяется контекстом:

- (12) польск. Orkiestra *zagrała* i wszyscy się *rozeszli*.
 русск. Оркестр *закончил играть* (букв. *сыграл*), и все разошлись.
 польск. Orkiestra *zagrała* i wszyscy *ruszyli do tańca*.
 русск. *Заиграл* оркестр, и все двинулись танцевать. (Śmiech 1986, 39).

Таким образом, для западнославянских языков, в отличие от русского языка, образование глаголов с четко выраженным начинательным значением не характерно. С учетом этого, а также значительно меньшего числа типовых контекстов обязательной имперфективации можно утверждать, что в западнославянских языках нет условий для расширения класса функциональных видовых пар за счет начинательных дериватов (типа русских *кричать – закричать*).

Сходные закономерности видовой коррелятивности в русском и западнославянских языках характеризуют также глаголы СВ с ограничительными приставками *по-, про-* (*po-, pro-*) и их мотивирующие глаголы НСВ, подробнее см. (Петрухина 2012а: 141-193).

5. Краткие выводы

Наше исследование показало разную роль функционального критерия при определении видовой парности в славянских языках. Наибольшее значение этот критерий имеет в русском языке. Его учет позволяет выявить в русском языке тенденцию к расширению видовой парности, в частности, за счет противоречия между обязательной имперфективацией в целом ряде контекстов и запретом на образование вторичных имперфективов от глаголов СВ с начинательными приставками. В результате этого нетерминативные глаголы НСВ и производные глаголы СВ с начинательными приставками втягиваются в видовую парадигму, образуя своего рода функциональные видовые пары типа *кричать – закричать* и тем самым укрепляя коррелятивную организацию русского вида и расширяя ее на нетерминативные глаголы.

В других славянских языках нет противоречия между обязательной имперфективацией и возможностями образования вторичных имперфективов – в силу либо меньшего количества типовых контекстов обязательной имперфективации (например, в чешском, словацком и словенском языках), либо регулярности образования вторичных имперфективов (в болгарском языке). Соответственно в названных языках нет условий для расширения видовой парности на нетерминативные основы. Но во всех славянских языках понятие видовой пары остается важным системообразующим понятием, позволяющим описывать вид как грамматическую категорию, взаимодействующую с другими грамматическими категориями, в частности временем и залогом, изучать семантические типы видового противопоставления.

Наше исследование также подтвердило необходимость различать в видовой теории разные способы выражения предела действия как временной его границы – лексический, словообразовательный и грамматический, учитывая при этом антиномии в теории предела, обусловленные разными формами выражения последнего.

Библиография

- Аркадьев 2015: П.М. Аркадьев, *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*, Москва 2015.
- БПРС: *Большой польско-русский словарь*, т. 1-2. Москва, Варшава 1988
- Бондарко 1986: А.В. Бондарко, *Семантика предела*, “Вопросы языкознания”, 1, 1986, 59-71.
- Бондарко 1987: А.В. Бондарко, *Аспектуальность*, in: А.В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*, Ленинград 1987.
- Виноградов 1972: В.В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, Москва 1972.
- Гиро-Вебер 1990: М. Гиро-Вебер, *Вид и семантика русского глагола*, “Вопросы языкознания”, 2, 1990, 102-112.
- Гловинская 2001: М.Я. Гловинская, *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*, Москва 2001.
- Горбов, Горбова 2012: А.А. Горбов, Е.В. Горбова, *Предел, предельность, трансформативность, telicity – терминологическое недоразумение рубежа веков?*, in: М. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*, Москва 2012, 116-125.
- Зализняк, Шмелев 2000: Анна А. Зализняк, А.Л. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000.
- Зализняк, Микаэлян 2012: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды*, “Вопросы языкознания”, 6, 2012, 48-66.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Маслов 2004² (1948): Ю.С. Маслов, *Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 71-90.
- Маслов 1981: Ю.С. Маслов, *Грамматика болгарского языка*, Москва 1981

- Маслов 1984: Ю.С. Маслов, *Очерки по аспектологии*, Ленинград 1984.
- Маслов 2004: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004.
- Падучева 1986: Е.В. Падучева, *Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения)*, "Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз.", 45, 5, 1986., 413-424.
- Падучева 1996: Е.В. Падучева, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва 1996.
- Панов 2007: М.В. Панов, *Труды по общему языкознанию и русскому языку*, т. 2, Москва 2007.
- Петрухина 2009: Е.В. Петрухина, *Объяснительная теория славянского глагольного вида*, "Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология", 5, 2009, 111-127.
- Петрухина 2012а: Е.В. Петрухина, *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*, Москва 2012.
- Петрухина 2012б: Е.В. Петрухина, *Категориальные комплексы русского глагола*, in: М. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*, Москва 2012, 490-502.
- Петрухина 2014: Е.В. Петрухина, *Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 253-274.
- Петрухина 2015: Е.В. Петрухина, *Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках*, in: В: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 185-194.
- РБЕ: *Речник на българския език*, София 1977-1993.
- РГ 1980: *Русская грамматика*, т. 1, Москва 1980.
- Татевосов 2015: С.Г. Татевосов, *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*, Москва 2015.
- ЧРС: *Чешско-русский словарь*, т. 1-2, Москва-Прага 1973.
- Шатуновский 2009: И.Б. Шатуновский, *Проблемы русского вида*, Москва 2009.

- Báčvarov 1980: J. Báčvarov, *Rozsah sekundární imperfektivace v bulharštině, češtině a ruštině*, in: J. Porák (red.), *Materiály z II. sympózia o bohemistice v zahraničí*, Praha 1980.
- SSJ: *Slovník slovenského jazyka*, D. 1-6, Bratislava 1959-1968.
- Śmiech 1986: W. Śmiech, *Derywacja prefiksalna czasowników polskich*, Wrocław-Warszawa-Kraków- Łódź 1986.
- VSRS: *Vel'ký slovensko-ruský slovník*, D. 1-6, Bratislava 1979-1995.

Abstract

Elena V. Petruchina

Aspectual antinomies in Russian (in a cross-Slavic perspective)

This article discusses some antinomies concerning the category of verbal aspect in Russian, which generate apparent contradictions on a theoretical level. Special attention is paid to Russian aspectual pairs (considered in a cross-Slavic perspective). I focus on antinomies applying to different ways of expressing the aspectual semantics of verbs (lexical, grammatical and derivational), as well as on rules regulating the use of perfective and imperfective verbs and the inventory of forms that implement the rules. Our study confirms the need to distinguish between lexical and grammatical limits of action in a theory of Slavic aspect. It is also very important to preserve the concept of aspectual pair, which is of central importance to organize verbal paradigms in terms of aspect in all the modern Slavic languages.

Keywords: Slavic aspect, aspectual pairs, antinomies